

У ворона руки были не очень умелыми, но, к счастью, предыдущий автор клубка тоже не был мастером рукоделия.

Продолжая дело, он попытался угадать замысел маленькой девочки и смял запутанные нитки в подобие куклы вуду.

И вот, когда вечером мистер Чарльз пришел проведать пациентов, он получил подарок от своего подопечного.

Мистер Чарльз был крайне удивлен, ведь для ворона с его интеллектом создание такой вещицы, должно быть, было настоящим подвигом. Он был так тронут, что начал размахивать мистической куклой, теряя при этом несколько серых перьев.

Монахиня не присоединилась к этой трогательной сцене взаимодействия хозяина и питомца, а лишь продолжала шуршать тряпкой, вытирая пол.

В звуках трения невидимый контракт в ладони ворона растворился. Он выполнил последнее желание умершего и в тот момент получил что-то от него.

Ворон вспомнил, что его левый глаз может общаться со смертью.

Неизвестно почему, но он совсем не удивился, будто так и должно было быть. Он даже естественным образом вспомнил имя этого левого глаза.

Его официальное название было «Гробокопатель»... но в каком именно реестре он был записан?

Ладно, неважно.

«Гробокопатель» звучало не очень приятно, больше похоже на обвинение, чем на научное название. Но, вспоминая об этом, ворон почувствовал легкую ностальгию.

Из-за этого глаза он даже получил прозвище – кто-то в частных разговорах называл его «Белым демоном».

Мельфистофель, соблазнявший Фауста, жаждал душ живых, предлагая им исполнение их мелких мирских желаний в обмен на высокую цену.

«Белый демон» же существовал в мирском мире и брал вещи у мертвых – если в месте смерти оставались следы жизни, даже отпечаток пальца, он мог использовать это как мост, чтобы подглядеть за их последними моментами и желаниями.

Исполняя последние желания умерших, он получал что-то, что они не могли взять с собой после смерти.

А что именно он получал...

Трудно сказать, это было довольно случайно и не зависело от сложности задачи – если везло, он мог получить полезный навык, например, вязание; если не везло, то покойник мог оставить ему в наследство что-то вроде «бессонницы», и ему оставалось только ругаться и отказываться.

Короче говоря, хотя это и была сделка «желание в обмен на награду», но настоящие демоны были капиталистами, высасывающими все соки, а он, «Белый демон», был работягой, которого недобросовестные заказчики часто расплачивались хламом.

Неизвестно, что думал человек, давший ему это прозвище, но он считал его вполне подходящим – «Белый» явно означало «беспольный».

Полиция, расследующая убийства, могла бы найти применение его способностям, вот только неизвестно, существует ли еще уголовный кодекс.

Итак, на этот раз, чем расплатился малыш по имени «Снежок»?

- Погодите, – остановился ворон, – «Снежок»?

Он сразу понял, что к чему, и повернулся к монахине. Увидев ее, в его голове автоматически всплыло соответствующее имя: Граф.

Он сразу понял, что это за «оплата труда».

Это был подарок, который ворон не мог «отказаться принять» – что-то связанное с знаниями.

Потому что знания – это проклятие, неизлечимая болезнь. Однажды получив их, уже невозможно вернуться в состояние неведения.

Снежок был ребенком, который даже не успел сменить молочные зубы, лишь слегка коснулся этого мира и ушел, оставив после себя очень ограниченные знания, лишь чуть больше, чем у глуповатого ворона: она знала окружающих, помнила их имена и щедро подарила ему все свои знания о мире.

- Неплохая сделка, – подумал ворон.

Итак, в следующие несколько дней он начал крутиться по больнице, «принимая заказы».

К сожалению, ничего подходящего ему не попало.

Большинство умерших в «Ягодной больнице» были детьми, многие из которых даже не успели понять, что такое «жизнь и смерть». На пороге смерти они думали только о выживании, облегчении боли и скорейшем выздоровлении. Беспольный Белый демон ничем не мог им помочь.

Кроме того, один из умерших заказал песню, которую дурак ворон не знал и не мог спеть; другой захотел апельсинового компота, ворон попытался съесть его за него, но заказчик не согласился, и задача снова провалилась.

К счастью, ворон не был мастером на все руки, зато умел сдаваться. Его жизненная... точнее, ягодная философия сводилась к двум принципам: «ладно» и «не получилось – ну и черт с ним».

Поэтому, несмотря на череду неудач, он не расстраивался и продолжал беззаботно жить, ожидая смерти.

Пробыв в «больнице» еще три-четыре дня, ворон был объявлен здоровым и готовым к выписке. Затем мистер Чарльз лично повел его через узкую дорожку у входа в больницу к меньшей двери.

Несмотря на то, что больница была проще свинарника, система контроля доступа и замки были наполнены высокотехнологичным шиком.

Ворон, сбитый с толку, стоял рядом с мистером Чарльзом перед дверью, чувствуя, будто

шагнул из средневековой хижины крепостного прямо на съемочную площадку фильма про межзвездные путешествия.

Мистер Чарльз остановился, и дверь выпустила красный луч, просканировавший его тело. Затем раздался щелчок, подтверждающий идентификацию, луч сменился на зеленый, и дверь автоматически открылась.

Ворон заглянул за спину мистера Чарльза, но с разочарованием обнаружил, что за дверью все так же узкая бетонная дорожка и высокие стены, напоминающие тюрьму.

Не увидев ничего интересного, ворон начал изучать своего проводника.

Хотя конечности мистера Чарльза были гораздо массивнее человеческих, он, как и все крысолюди, ходил на двух ногах. Прямохождение приносило свои проблемы.

Цена за освобождение рук – огромная нагрузка на позвоночник, особенно на шею, поэтому шея крысолюдей была гораздо более хрупкой, чем у настоящих крыс аналогичного размера.

Очки мистера Чарльза имели функцию затемнения, даже такой тусклый свет, как в подземном городе, нуждался в защите... неизвестно, это была его личная особенность или общая черта всех крысолюдей.

Если последнее, то они, вероятно, как и настоящие крысы, боялись света и имели плохое зрение, а их огромные уши и выступающие носы служили заменой зрения. Тогда... общественное освещение в подземном городе совершенно не учитывало физиологические потребности крысолюдей.

Ворон опустил ресницы, и в его глазах мелькнула мысль.

Если это так, то не только на поверхности крысолюди не были хозяевами, но и в подземелье их статус был невысок.

В этот момент неподалеку раздалась музыка и шаги. Ворон поднял голову и увидел, как из-за угла вышел крысоголовый в широкополой шляпе.

Неизвестно, готовились ли они к весенней прогулке, но «Широкополая шляпа» держала в лапах губную гармошку и, шагая, наигрывала легкую мелодию. За ним следовали семь-восемь пухлых малышей, как утята, шаг в шаг.

Дети были в восторге, и среди них был Малыш Шестой.

- Дядя Чарльз, - Широкополая шляпа, увидев их, опустила гармошку и поздоровалась с Чарльзом, затем нежно потянула за волосы ворона. - Привет, маленькая фея.

Ворон сохранял глуповатое выражение лица и молчал - прозвищ становилось все больше, и он уже с трудом их запоминал.

Увидев морду Широкополой шляпы, знания, оставленные Снежком, сразу же активировались, и ворон сразу узнал, что этого крысоголового звали «София», племянница мистера Чарльза.

Голоса крысолюдей были довольно высокими, а их тела почти одинаковыми по размеру. Для ворона они были как настоящие крысы – без специальных меток невозможно было определить их пол.

Однако удивительно, что их одежда и манеры явно различались в зависимости от пола. Мисс София в широкополой шляпе носила юбку и, увидев мистера Чарльза, поднимала край юбки, приветствуя его старомодным реверансом.

У крысолодей руки короткие, поэтому, чтобы сделать реверанс, ей приходилось сначала наклоняться, чтобы поднять одну сторону юбки, а затем другую. Если на пути встречалось много знакомых, ей приходилось наклоняться снова и снова, и ворон представил себе эту картину, которая напоминала сына, выражающего благодарность родственникам на похоронах.

Такие манеры и наряд вряд ли были изобретены самими крысоголовыми, скорее всего, они были заимствованы из какой-то чужой культуры.

Ворон наклонил голову, чтобы мисс в широкополой шляпе ростом в полтора метра могла поиграть с его волосами, и, думая о загадочной десятичной системе консервов, набросал в уме примерный образ этой неизвестной доминирующей культуры: высоко антропоморфной, но точно не человеческой, ведь даже крысы не стали бы поклоняться скоту, который их кормит; на консервах, пригодных для людей, был указан состав, но не было информации о питательной ценности, что, возможно, означало, что рацион этой расы сильно отличался от человеческого.

К тому же их социальный строй был очень феодальным.

Он бросил взгляд на верхнюю часть подземного города и подумал: «Что за чертовщина?»

Дядя и племянница, серые крысы, тоже выглядели очень мило. Мистер Чарльз похвалил племянницу за то, что она сразу после школы возвращается домой, чтобы работать на ферме.

- В любом случае, я люблю этих маленьких созданий, - радостно сказала мисс в широкополой шляпе. - Если бы не стремление к статусу «на поверхности», зачем мне было бы учиться в этой кошачьей школе? Я бы давно вернулась и унаследовала твою ферму.

- Черт возьми, не ругайся! - с любовью шлепнул ее по спине мистер Чарльз. - Давай, уже конец года, нужно стоять в очереди.

Мисс в широкополой шляпе высунула язык, снова взяла губную гармошку и позвала пухлых малышей идти за ней.

- Пока, Ворон! - помахал рукой Малыш Шестой.

- Пока, Ворон! - подхватили другие малыши, прыгая и следуя за мисс в широкополой шляпе.

- Какая способная девушка, - с гордостью смотрел мистер Чарльз на племянницу и малышей. - Какие живые и упитанные птенцы!

Затем он затянул высоким голосом песню, восхваляющую жизнь, под аккомпанемент удаляющейся губной гармошки:

- Свет здесь не падает с неба, хей-джи-джи, хей-джи-джи,

Вода здесь никогда не останавливается, хей-джи-джи, хей-джи-джи,

Счастливый садовник считает свои плоды, хей-джи, хей-джи,

Проходящая мимо девушка хей-джи - улыбается мне...

Ворон шагал в такт «хей-джи», покачиваясь, и мистер Чарльз, воодушевившись, начал крутить своими большими бедрами, толкая ворона.

Ворон, всегда стремящийся быть первым, не остался в долгу, устояв на ногах, он ответил тем же.

Эти два чудака, хозяин и питомец, посмотрели друг на друга и внезапно почувствовали межвидовое понимание, начав вместе танцевать под «джи-джи».

После двадцати метров танцев слабое сердце и лёгкие ворона не выдержали, и он, чувствуя головокружение, с сожалением остановился, опершись на стену.

Узкая дорожка закончилась, и ещё одна высокотехнологичная дверь медленно открылась.

Ворон прижал руку к горлу, сглотнув привкус крови, и, когда звёзды перед глазами рассеялись, он увидел огромное сооружение за дверью.

- Чёрт... кошачий, - мысленно выругался он, стараясь следовать местным обычаям.

Резкий голос мистера Чарльза разносился по высоким стенам, как слабая рябь на стоячей воде.

Стены, слоями, окружали гигантский «курятник».

Он был высотой в тринадцать-четырнадцать метров и состоял из восьми этажей.

Высота каждого этажа, начиная со второго, не превышала полутора метров, без дверей и окон, только проволочные сетки, разделяющие пространство на маленькие клетушки. На каждом этаже было около двадцати таких клетушек, в каждой из которых находилось пять-шесть детей, похожих на Малыша Шестого - не старше семи лет и с талией не меньше трех Чи.

Услышав шум, дети начали прижиматься к сетке, чтобы посмотреть. Их лица, искаженные жиром, были удивительно похожи.

Высокие стены окружали «курятник», образуя двор, соединенный с первым этажом.

Первый этаж был немного просторнее, с высотой потолков около двух метров, что позволяло с трудом разместить взрослых, но, вероятно, все равно было тесно. Большинство жителей этого этажа находились во дворе.

Во дворе была железная решетка, разделяющая пространство на две части - большую и маленькую.

В большой части жили около двадцати женщин, старшим из которых было за тридцать, а также несколько девочек-подростков, которые еще не выросли.

Они были либо беременны, либо кормили грудью. Монахиня Графиня тоже была во дворе, держа в руках примитивный душ и обливая женщину, которая вот-вот должна была родить. Женщина стояла под струями воды, улыбаясь и приветствуя: - Ворон вернулся, выздоровел?

Все живые существа - и люди, и крысы - смотрели на это, не отводя глаз, как будто это было совершенно нормально.

Женщины мылись сами, мыли детей, некоторые смеялись и болтали, другие просто гуляли.

Детский лепет смешивался с общим шумом, создавая радостную и оживленную атмосферу, совершенно отличную от той, что царил в маленьком дворе за решеткой.

Маленький двор, вероятно, был «мужским общежитием».

Он занимал всего пару квадратных метров и больше напоминал клетку, чем двор.

В «мужском общежитии» находился только один мужчина средних лет, с чертами лица, напоминающими смесь европейских и азиатских черт, очень красивыми, но из-за крайней худобы он выглядел отталкивающе.

Мужчина был с голым торсом, в короткой юбке с странным узором, лежал в клетке, греясь под светом ламп, и смотрел в «небо». Все его тело, кроме ребер, которые слегка поднимались и опускались, было неподвижно.

Ворон посмотрел на него секунду, и знания, полученные от Снежка, подсказали ему, что этому парню еще хуже – у него даже не было цифрового кода, его просто называли «тем производителем».

- Дурак, - пнул мистер Чарльз железную дверь клетки. - Эй!

«Тот производитель» не реагировал, его взгляд был пустым.

Мистер Чарльз открыл дверь клетки, сам вошел в мужское общежитие и, приняв себя, осмотрел его. Затем он объявил: - Свинопас где-то нашел эту дешевую дрянь, какая головная боль. Этот парень скоро откинет копыта!

Пение и смех стихли, женщины во дворе с разными выражениями лиц смотрели на своего соседа.

Мистер Чарльз, ругаясь, закрыл мужское общежитие и вышел, озабоченный: - Только бы не было болезни. Завтра утром нужно как можно скорее найти кого-то, чтобы убрать его... Черт, а что делать с Вороном?

Он подумал своей великой серой головой, затем достал из кармана комбинезона что-то похожее на лазерную указку, нажал на кнопку, и синий луч прошел по шее Графини. На шее Графини появилось крошечное пятнышко, похожее на прыщик, которое мигнуло. Затем мистер Чарльз направил «лазерную указку» на шею ворона и сделал то же самое.

Ворон потрогал шею, чувствуя, что действия мистера Чарльза напоминают «копирование и вставку» - что-то было скопировано с Графини и «вставлено» в него.

Затем мистер Чарльз приказал Графине: - Пусть Ворон живет с тобой эти несколько дней, присматривай за ним, чтобы до прихода покупателя не случилось никаких неприятностей. Мой его почаще, шерсть уже сбилась в комки.

Подумав, он добавил, словно скрипя зубами: - И давай ему два дополнительных консерва в день, покупатель оплатил питание, слишком худой тоже не годится... Эх, времена такие, что скот ест лучше людей.

Графиня не сказала ни слова, только кивнула.

- Когда придет последний платеж за Ворона, я куплю нового производителя, на этот раз точно

проверю, чтобы не обманули. Тогда ты родишь еще пару пометов... – мистер Чарльз замолчал, затем, погладив Графиню своей мохнатой лапой, с сожалением изменил решение: – Ладно, только один помет, а потом ты уйдешь на пенсию, иначе в моем «саду» совсем не останется «пастушьих собак». Черт... такая хорошая внешность, такая плодовитая, у тебя еще как минимум пятнадцать лет репродуктивного возраста, черт...

Мистер Чарльз пробормотал, осмотрел всех жителей... точнее, ягод, предсказал даты родов нескольких беременных и, наконец, напомнил Графине «звонить, если что», прежде чем неохотно уйти.

С грохотом закрылась внешняя дверь, на несколько секунд воцарилась тишина, а затем снова раздались голоса.

<http://bllate.org/book/14692/1312818>